

Про солнышко Владимира

Во славном во городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Заводился стол — почестен пир
Про всех купцей — людей торговых,
Про всех крестьян православных,
Про всех бояр толстобрюхийх.
А вот все робята собиралися,
Садилась ребята на почестен пир,
Пируют-столуют трои сутки,
Третьи-то сутки — день до вечера.
День-от идет ко вечеру,
Солнышко катится ко западу,
Княженецкая радость — в полурадости.
Из-за того стола из-за переднего
Вставает тут солнышко Владимир-князь,
Выходит на середу кирпичат пол.
Солнышко по полу похаживат,
Тихо-смирную речь выговариват:
«Уж вы ой еси, все русьски богатыри!
Все вы сидите поженены,
У вас у всех жоны повыбраны,
От тех купцей — людей торговых.
Един-то я, солнышко, холост живу,
Холост живу, да не женат хожу.
Не знаете ли мне-ка кто супружницу,
Супружницу да сплюбовницу:
Статным чтобы была статна, пълна возрастом,
Волосом бы была руса, лицом — белая,
Сквозь ейные чтобы рубашки ее тело видети,
Сквозь ейное тело — кости видети,
А не скачѣн жемчуг перекатается —
Из кости в кость мозг переливается».
А все-то сидят — у дрогнули,
Удрогнули сидят, умолкнули,
Старший хоронится за среднего,

Средний хоронится за младшого,
А младший сидит — ответу нет.
Один Дунай только весёл сидит,
Весёл видит да высоко глядит.
Говорит ли Дунай таковы слова:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Не буду ль я за слово кáзнен-вешеной,
Не буду ль я за слово в ссылку сосланной?»
Говорил ему солнышко таковы слова:
«Эх ты стой-ко-се, Дунай, да не упадывай!
Ни единого словецька не утаивай,
Не будешь за слово кáзнен-вешеной,
Не будешь за слово в ссылку сосланной».
Говорил тут Дунай таковы слова:
«Прежде досель да в молодú порú
Бывал я, живал в земли дальние,
Дальние земли живал, в Турецкой,
Турецкой земли, королевской,
В королевской земли живал, Индейской,
У того я жил Семена Лиховитого.
Три года я жил у его во конюхах,
Три года я жил у его во писарях,
Три года я жил у его во стольниих.
Немного прошло тому времяцьку,
Прошло-прокатилось ровно девять лет.
Было у Семена тогда три доцери:
Большая доць — Овдотья доць Семеновна,
Злая полениця преудалая,
Ездит-гулят все во чистóм поле,
Бьется-дерется со богатырьми.
Меньшая — Опросенья доць Семеновна.
Не бывала Опросенья на святой Руси,
Не видала Опросенья каменнóй Москвы,
Сидит она живет да в тюрьмы крепкой,
В крепкой тюрьмы́ живет во кáменной,
За семи она стенами за камённыма,
За семи за дверями за железныма,
За семи за замоцьками немецкима,
За семи за околениками хрустальныма,

Не простого стекла — все немецкого.
Сидит она живет на стульчике ремешчатом,
Вышивают она разны шириночки.
Статным она статна да полна возрастом,
Волосом она руса да лицом белая,
Сквозь ейной рубашецьки тело видети,
Сквозь ейно тело кости видети,
Сквозь кости мозг переливается,
Ровно скачен жемчуг да перекатается».
Загорелось у солнышка да ретиво сердцё,
Закипела у него да кровь горячая:
«Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович!
Бери-ко-се себе да двух товарищев:
Во-первых, старá да Илью Муромца,
Во-вторых-то, Олëshеньку Поповиця.
Олëshа Поповиць умет играть во пешки мелки шахматы,
Он заседет с Семеном играть во пешецьки,
А в ту ли пору, в это времечько
Мы сходим к Опросеньи доць Семеновной,
Попросим ей мы, посватаемся:
Пойдет она с нами охвотою.
Не пойдет охвотою — возьмем неволею».
Стали тут ребята собиратися,
Поезжают тут ребята, добры молодцы.
На то был солнышко наш догадливой:
Наливает им цару зелена вина,
Кладёт в цары турий рог меду сладкого,
Подносит ребятам, добрым молодцам.
Берут ребята во праву́ руку́,
Пьют они да ко одну духу́.
Подходят ребята ко добры́м коням,
Берут они в руки свой шелкóв повóд,
Скоро они да в стремена ступили
И скорешинько да на коней скочили.
Смотрят у их всю поездку молодецькую,
Увидели: ' поли только курева стоит,
Курева стоит, да дым столбом валит
От ихнего пару лошадиного.
Тут приехали к Семену Лиховитому,

Ставали ребята ко красну́ крыльцу́,
Слезывали ребята со добрых коней,
Везали коней да к дубову́ столбу,
К дубову столбу да к винтову кольцу.
Заходили они к Семену Лиховитому
Во ту во гриню во столовую,
Помолились они Богу по-писаному,
Поздоровались с Семеном Лиховитым,
Садились на стульчики дубовые,
Говорили Семену таковы слова:
«Уж ты ой еси, Семен Лихови́тый!
Приехали мы к тебе о хорошем деле — о свáтовстве,
О сватовстве Опросенью доць Семеновну
За того за солнышка Владимира
В стольной Киев-град».
Пошли они к Опросеньи дочь Семеновной,
Пошли они Опросеньи долóжили:
«Здрастуй, Опросенья доць Семеновна,
Мы приехали к тебе о хорошем деле — о свáтовстве,
Засватать тебя за солнышка Владимира».
Опросенья доць Семеновна
Говорила она таковы слова:
«Есть у меня папоцька Семен Лиховы́тый,
Есть у меня маменька родимая,
Попросите их да посватайте,
За мной дело не будет спóрное».
Пошли они к отцу и к матушки,
Говорили им о хорошем сватовстве:
«Говорила Опросенья нам таковы слова́...»
Отец-маменька скоро с нима решился.
Пошли, Опросенье опять долóжили.
Опросенья с нима сама решилася
И дала им руку-рукобитие,
Помолились Богу они, решился.
Скоро ребята стали собиратися,
Домой они стали отправлятися.
Выходила Опросенья доць Семеновна,
Простиласе с отцём, с матерью,
Простиласе она, благослови́лася.

Подходят ребята ко добрым коням,
Берут в руки свои шелкóв повод.
Скоро старóй в стремяна ступил,
В стремяна ступил и на коня скоцил,
Посадили Опросенью ко стару казаку,
Ко старому казаку да к Ильи Муромчу.
Отправились ребята, добры молодцы,
Скоро проехали они по чисту полю,
Скоро приехали в стольной Киев-град,
Заехали в ограду княженецкую,
Становились они ко краснóу крыльцу,
Слезывали они со добрых коней,
Вязали коней да к дубову столбу,
К дубову столбу да к винтову кольцу.
Выходит тут солнышко Владимир-князь,
Берет он Опросенью за правú руку,
Ведет во гриню во столовую.
Садилась они за столики все дубовые,
Посъели всё, покушали,
Водоцьки все подвыпили.
После етого да после етого
Сходили они да во божью церкову,
А скоро тут они повенчались,
Повенчались да обручились.
Пришли они во гриню во столовую,
А все сели за столики дубовые,
А стали пировать тут пуще старóго,
Пуще старого, да пуще прежнего.
Пировали-столовали трои суточки.
Все они стали пьяны-веселы,
Все они тут расхвастались:
А мудрой-ёт хвастат золотой казной,
Средней-ёт хвастат отцём-матерью,
А глупой-ёт хвастат молодой женой.
Свели молодых на подклет, повалили спать.

*(Зап. Леонтьевым Н. П.: 19 авг. 1940 г., сел. Усть-Цильма — от Носова
Василия Прокопьевича, 75 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.